

СВЕДЕНИЯ О ДЕРБЕНТЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ В КНИГЕ ДЖОНА АБЕРКРОМБИ «ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ, С ГЛАВОЙ О ЯЗЫКАХ СТРАНЫ»

М.Р. Сефербеков

Публикация представляет собой перевод с английского языка на русский восьмой главы «Из Баку в Дербент» книги шотландского барона Джона Аберкромби «Путешествие через Восточный Кавказ, с главой о языках страны», написанной им в 1888 г. Эта глава посвящена Дербенту, его окрестностям и более дальним местностям (исторический Табасаран), по которым проходила средневековая оборонительная стена «Даг-бары». Книга, написанная в жанре путевых заметок, содержит разнообразные сведения об ономастике, архитектурных и эпиграфических памятниках региона, хозяйственных занятиях, общественном устройстве и повседневной жизни, религиозных верованиях и языках народов региона, что позволяет рассматривать ее в качестве ценного источника по истории и культуре Восточного Кавказа.

Ключевые слова: Дж. Аберкромби, труды англоязычных авторов о Кавказе, историография и источниковедение, Дербентский комплекс памятников.

Для цитирования: Сефербеков М.Р. Сведения о Дербенте и его окрестностях в книге Джона Аберкромби «Путешествие через Восточный Кавказ, с главой о языках страны» // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 59 (98). С. 168-190. DOI: 10.46698/VNC.2026.98.59.010

Поступила в редколлегию: 23.10.2025 г.

Принята к публикации: 15.03.2026 г.

В последние годы усилился интерес российских историков [1, 556–572; 2, 43–49; 3, 22–36] к трудам зарубежных англоязычных авторов XVIII–XIX вв. [4; 5; 6], посвятивших свое творчество Кавказу. Это – отчеты о военных событиях, путевые заметки и впечатления о природе края и населяющих его народах. Несмотря на субъективизм, труды побывавших на Кавказе англоязычных путешественников являются ценным, насыщенным ономастической лексикой, исторической и этнологической информацией историческим источником.

Предлагаемая читателю переведенная нами глава из книги «Путешествие через Восточный Кавказ, с главой о языках страны» шотландского барона Джона Аберкромби является продолжением перевода его объемного труда, написанного им в 1888 г., который содержит десять глав и включает 3 карты, 6 таблиц и 15 иллюстраций [7]. В книге, написанной в жанре путевых заметок, приведена богатая ономастическая лексика (оронимы и ойконимы), архитектурная (названия дербентских стен, ворот, башен и фортов, культовых сооружений, святынь и кладбищ), историческая (сословная структура населения), эпиграфическая (шрифт и содержание арабских надписей на надмогильных памятниках) и этнологическая (хозяйственные занятия, поселенческая культура, жилища, одежда, состав населения, этнические процессы, язык межнационального общения, религиозные верования, семантика символов и знаков) информация, представляющая несомненный интерес для специалистов-кавказоведов.

В 2024 г. была издана переведенная нами с комментариями глава I «От Тифлиса до Нухи» [8, 29–38] книги Джона Аберкромби. В данной публикации читателю предлагается перевод главы VIII «Из Баку в Дербент», посвященной Дербенту и его окрестностям, а также более отдаленным местностям (Табасаран), на которых были возведены

средневековые оборонительные сооружения (форты). До событий этой главы, автор прибывает в Дагестан из Тифлиса в сопровождении двух спутников – азербайджанца Абдул Меджида Керим-оглы и осетина Акима.

Основное содержание переведенной нами главы заключается в описании Джоном Аберкромби г. Дербента и его окрестностей, а также исторического Табасарана, по возвышенностям которого пролегла Горная стена Даг-бары, подробно описанная до него генерал Р.Ф. Эркертом (1830-1900) в опубликованном им в 1885 г., а затем в 1887 г. историко-этнографическом сочинении «Der Kaukasus und seine Volker». В наши дни такое исследование проведено археологом М.С. Гаджиевым [9, 93–107; 10, 205–223].

Таким образом, опубликованные Джоном Аберкромби в главе VIII «Из Баку в Дербент» своей книги «Путешествие через Восточный Кавказ, с главой о языках страны» в ходе предпринятого им шестинедельный тура по г. Дербенту и его окрестностям сведения являются ценным историческим источником. В них приведена богатая ономастическая лексика, историческая и этнологическая информация: содержатся разнообразные оронимы (Главный Кавказский хребет, вершина Шах-Дага, горный хребет Кара-Сырт), ойконимы (Джалган, Митаги, Кемах, Гемейди, Задиан, Бильгади, Кемах, Зиль, Дюбек, Мугатир, Татиль, Дюбек), названия дербентских стен (Бари Мешаси), ворот (Джарчи-Капы, Баят-Капы, Енги-Капы, Кырхляр-Капы), башен и фортов (Пирмешки-кала, Кяфер-кала, Кеджели-кала и Кемаха, Тель Хаммадан, Шалкене-Кала, Пагай-юнг-кала, Новруз-Али-кала, Хасан-Бей-кала, Бабану-кала, Паланги-кала, Мугара-кала, Бегляр-кала, Дервиш-кала, Коби-кала, Ишекли-су-кала, Орнург-кала, Абдулла-бег-калы, Чухна-кала, Химларик-кала, Эмизгя-кала, Новруз-кала, Ахме-кала, Мирза-кала, Моти-кала, Кадах-кала, Чипсухан-кала, Башим-Дишим-кала, Огри-Кала, Ахай-Кала, Махрагах-кала, Кеджели-кала, Короглы-кала). Его интересовал не только Дербентский комплекс памятников, но и табасаранская Крепость семи братьев («Еди Гардаш») с изложением одной из версий легенды о семи братьях и их сестре.

Как это видно, в сферу интересов Дж. Аберкромби входили знаки на дербентских стенах (свастика, ромбы и круги с точкой посередине или с расходящимися от них линиями), камни с персидскими надписями и высеченные из камня фигуры животных, а также кладбища (Кырхляр, Пир Гянджа, Эмизгя Пир) с арабскими надписями и знаками (чаще всего солярные) на поверхностях надмогильных памятников.

Особое внимание он уделял описанию жилой (выстроенные из известняка дома с плоскими крышами), культовой (русская и армянская церкви, джума-мечеть) и оборонительной архитектуры (две параллельные стены внутри города и несколько десятков башен и фортов за его пределами на территории исторического Табасарана) Дербента, строительным материалам этих сооружений, конструктивным особенностям и их состоянию на момент его обследования. Дж. Аберкромби указывает, что город делится на русский (населенный в основном гарнизонными солдатами, офицерами и их семьями), татарский, армянский и еврейский кварталы. Он отмечает, что этнический состав населения Дербента смешанный – русские, татары, армяне и евреи, а языком межнационального общения служит татарский (то есть азербайджанский).

Примечательно, что Дж. Аберкромби обратил внимание на происходящие в этом регионе этнические (и языковые) процессы (ассимиляция, сопровождающаяся сменой этнического самосознания): тюркизация расселенных к западу от Дербента ираноязычных татов-суннитов. Нынешние дагестанские азербайджанцы (кроме проживающих в г. Дербенте) так же являются суннитами.

Приводит он и сословную структуру населения Дербента, Табасарана и Кайтага, отмечая, что находившиеся под властью наследственных бегов или князей таты и те-

рекемейцы (таракама) относятся к категории раят халх, или «несвободные люди», а табасаранцы и даргинцы Кайтага – оздан халх, или «свободные люди».

Из его путевых заметок становится известно о хозяйственной городской округе (широкий пояс садов, засаженных бесчисленными фруктовыми деревьями и тополями), занятиях жителей Дербента – охота с ловчими птицами в татарском квартале, а также принятым повсеместно в Дагестане способам обмолота и просеивания зерна, происходящими прямо за городскими стенами.

Обратил он внимание и на внешний вид (костюм и прическа) проживавших в Дербенте евреев.

Дважды в своем повествовании Дж. Аберкромби упоминает святое место (сталактитовая пещера) под названием Эмджэхлы-пир, вода из которой использовалась больными как лекарство. Другой такой святыней, к которой совершали паломничество, служила могилы святых в с. Бильгады.

В с. Дарваг Дж. Аберкромби обратил внимание на то, что для привлечения удачи и отвращения дурного глаза жители этого селения развешивали на изгородях и фруктовых деревьях черепа коров и лошадей. Впрочем, такие обереги применялись повсеместно в Дагестане.

Следует отметить, что данная глава в 2005 г. была частично переведена М.С. Гаджиевым [11, 51–58], который интересовался изложенной Джоном Аберкромби информацией о Дербентской оборонительной архитектуре, известной как Горная стена или «Даг-бары». В своей статье, давая высокую оценку изысканиям Джона Аберкромби, М.С. Гаджиев сожалел о том, что его труд, представляющий несомненный интерес для специалистов-кавказоведов, остался вне поля зрения современных исследователей и что имя этого исследователя Горной стены было забыто на долгие годы.

Отвечая пожеланиям М.С. Гаджиева, представляем читателю полный перевод с английского языка на русский главы VIII «Из Баку в Дербент» с нашими комментариями. Перевод производился по оцифрованному оригиналу. В скобках указаны страницы, соответствующие оригинальному тексту. Публикация содержащего богатый исторический материал сочинения Дж. Аберкромби явится большим вкладом в источниковедение и историографию новой истории России и Кавказа. Этот материал надежно верифицируется изысканиями современных историков и археологов.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ, С ГЛАВОЙ О ЯЗЫКАХ СТРАНЫ

Джон Аберкромби

(с. vii)

Предисловие

Восточный Кавказ по сей день остается малоизвестным английским туристам регионом, и потому даже шестинедельный тур стоит описания. Сделанные мною заметки незначительны, однако Главный Кавказский хребет мне удалось пересечь дважды через перевалы, используемые лишь туземцами. Дербентская стена и весьма любопытная деревня мастеров Кубачи были исследованы мною более детально по сравнению с моими предшественниками из Англии.

(с. 207)

Глава VIII. Из Баку в Дербент

Около 8 часов утра 11 августа [1888 г.] снежная вершина Шах-Дага смутно вырисовывалась над дымкой, тяжело окутавшей побережье по левому борту «Туркмена», а также всю поверхность Каспийского моря. Два часа спустя мы встали на якорь на дербентском рейде. Город выглядит хорошо при первом взгляде на него с юга. Примерно в миле от берега, на горном склоне, вершина которого поднимается на высоту более двух тысяч футов, стоит древняя цитадель. Ее стены и башни теплого, красновато-желтого цвета контрастируют со свежей зеленью деревьев; и то, и другое отчетливо выделяет побеленные ворота и другие (с. 208) строения, возвышающиеся над листвой. От восточного и западного концов цитадели две линии стен, не совсем параллельные, с башнями через определенные промежутки, довольно круто спускаются к берегу, в то время как городские строения скучены неправильными массами между стенами и за их пределами. Наиболее заметны ярко-зеленые башни и купола русской и армянской церквей, которые гордо возвышаются над низкими мечетями и домами с плоскими крышами местного населения и доминируют над ними. Гребень горы имеет изломанные очертания, покрыт на вершине и большими участками вдоль склонов невысоким, темно-зеленым кустарником, в то время как другие части ее поверхности разделены на участки желтой и темно-серой травы, выжженной необычной жарой лета 1888 года. Но вдоль плоской и низкой береговой линии, как к северу, так и к югу от города, простирается широкий пояс садов, засаженных бесчисленными фруктовыми деревьями и тополями. Здесь в изобилии растут виноград и абрикосы, и здесь летом жители проводят большую часть своего времени. Виноград уже созрел, но, к сожалению, многие лозы были затронуты болезнью.

Парходам приходится становиться на якорь примерно в пятистах ярдах от берега, до которого пассажиры должны добираться на одной из больших парусных лодок, подходящих к борту. Мы с Меджидом спустились в одну из них и вскоре оказались сначала на шатком причале, а затем на горячем, податливом песке пляжа. Здесь уже было выстроено несколько одно- и двухоконных экипажей, у некоторых возниц которых вокруг пояса висели кинжалы, так как здесь они одеваются не как извозчики в других (с. 209) русских городах. Перед отъездом из Дербента я заметил одного или

двух с пистолетом за поясом, хотя в этот раз их не было. Поскольку здесь отсутствуют гостиницы, нам пришлось побродить в поисках жилья. Дома в нижней части города имеют европейский вид, построены из мягкого известняка, который легко режется и формуется, так что внешне они не отличаются от тех, что можно увидеть на Мальте, на юге Италии и в Севастополе. Улицы также широкие, расположены под прямым углом, с аллеями деревьев, дающими тень.

Наконец извозчик отвез нас в дом, принадлежавший русской вдове, где я снял две большие, чистые комнаты за скромную плату в один рубль в день. Там я обосновался на две недели и ни разу об этом не пожалел. Саму вдову я видел мало, но много общался с ее пожилой матерью, которая занималась домом и готовила еду. Поскольку она выросла в Дербенте, она свободно говорила с Меджидом по-татарски.

Дербент – одно из тех мест, лучшие дни которого остались позади. Его слава в прошлом, а его благосостояние сейчас в таком же разрушенном состоянии, как и его стены. Население здесь смешанное: русские, татары, армяне и евреи, хотя первые почти ограничиваются гарнизоном. Мне рассказали, что всего несколько (с. 210) лет назад, особенно татарами, на марене, из которой добывают красную краску, делались значительные состояния. Но с каждым годом цена продолжала падать с пятидесяти рублей за пуд до одного рубля двадцати копеек, так что теперь ее возделывание едва окупается. Соответственно, татарам очень не везет, и самой процветающей частью общины считаются евреи, хотя некоторые армяне держат крупные лавки и умудряются на этом зарабатывать. Преобладающий язык – татарский, хотя основная масса так называемого татарского населения сильно отличается внешне от обычных татар и на самом деле является татами или персами. Они бреют головы, оставляя лишь участок размером с ладонь возле каждого уха, что производит заметный эффект, когда мужчина снимает свою папаху, или шапку из овчины. Меджид утверждал, что все они сунниты, хотя я думал, что они должны быть шиитами, и то же самое он говорил о татарском населении Нухи¹; хотя там они справляют праздник Хусейна, сына Али, и отмечают его убийство, нанося себе порезы мечами. В некоторых деревнях к западу от Дербента я обнаружил татов, которые все еще говорят на персидском диалекте, хотя все могут говорить по-татарски и находятся в процессе полной татаризации. Тат и таджик – это термины, применяемые татарами к людям, пришедшим из Персии, или имеющим персидское происхождение.

Днем, когда жара немного спала, я отправился с Меджидом осмотреть верхний город. Он тоже хотел найти татарского бека, с которым (с. 211) познакомился в Хиве [*Khiva*]² в прошлом году. Покинув европейский квартал с широкими улицами, мы сначала прошли через убогий квартал, где живут евреи. Они одеваются почти как местные жители, но не носят кинжала, а у некоторых по обеим сторонам лица свисают скрученные пряди волос, как у польских евреев. Затем, пройдя мимо большой русской церкви в центре города, мы поднялись по нескольким ступеням, и слева от нас оказался армянский квартал. За ним, в направлении цитадели, а также справа, расположен татарский квартал. Здесь улицы неровные, узкие и неправильной формы. Рядом с армянской церковью Меджид нашел дом своего друга. Бек переводится на русский как князь или принц, и княжеский друг Меджида теперь держит очень скудно обставленную лавку тканей. Но он поведал мне, что титул бека, как титул принца или барона в Германии, передается всем сыновьям бека. Поскольку у мусульман не существует права первородства, отсюда следует, что многие беки могут встречаться в низших слоях общества <...>

(с. 213)

12 августа. – В течение дня я осматривал стены города и поднялся на вершину горы, на нижнем склоне которой построен город. Самая высокая точка называется Джалган, по имени одноименного поселения, и поднимается на высоту 2357 футов. В нижней части расстояние между стенами составляет около четырехсот ярдов, но, как я уже говорил, они не параллельны, причем линия северной стены ниже цитадели образует тупой выступающий угол. Значительная часть нижней секции южной стены была снесена, чтобы позволить городу расширяться, и короткий участок восточной стены также был разобран. Стены построены из желтого известняка, и их кладка довольно своеобразна. Лицевая и тыльная стороны состоят из облицовки толстыми, продолговатыми, прямоугольными плитами, размером около 4 x 5 футов в поперечнике, уложенными попеременно вдоль и торцом, с внутренней забутовкой из щебня, причем все это прочно скреплено превосходной известью. Толщина стен составляет около тринадцати футов, и очевидно, что плиты, поставленные торцом, должны придавать облицовке необычайную прочность, поскольку их длинные стороны прочно врезаны в щебень. Они действуют наподобие шипов в пазе. Зубчатый парапет со ступенчатыми окончаниями персидского типа когда-то венчал стены и ворота, но сейчас от него мало что осталось.

Кладка этих стен во всех деталях соответствует кладке двух десятков с лишним прямоугольных фортов вдоль Дербентской стены, на западной стороне горы, и показывает, что они относятся к одной эпохе. На каждой из длинных сторон (с. 214) до сих пор существуют три или четыре пары ворот, но Орта-Капи, или центральные ворота, на южной стороне – единственные, имеющие какие-либо архитектурные изыски. Снаружи почти квадратная башня с живописным зубчатым завершением выступает на несколько футов из общей линии стены и образует тело ворот. В ее центре, хотя и слегка отступая назад, большая, стрельчатая, повышенная арка, с гораздо меньшими по бокам, дает доступ внутрь города. Арки опираются на колонны, увенчанные сотовыми капителями персидского или сарацинского типа, и имеют смелые, но простые обрамления, опоясывающие их вершины. Каменные скамьи расположены под воротами перпендикулярно линии входа, и на них наверняка восседают горожане в течение дня. Задняя стена имеет только одну арку со стрельчатым завершением, но от пят арки через нее горизонтально выстроен ряд камней. Центральный камень имеет зубчатые края с обеих сторон, входящие в пазы на внутреннем крае камня по обеим сторонам от него, и таким образом действует как своего рода замковый камень. Над этой внутренней аркой из поверхности стены выступает неказистая фигура животного, высеченная из камня, которую я принял за льва. На камнях внутренней стены над скамьями сделаны различные глубоко вырезанные знаки, такие как свастика, ромбы и круги с точкой посередине или с расходящимися от них линиями, и различные другие знаки. Между этими и следующими воротами, Нарын-Кала-Капи, или воротами цитадели, есть несколько камней с надписями, поскольку стена в разное время реконструировалась с использованием бесчисленных (с. 215) надгробий, которые образуют плотные скопления на небольшом расстоянии от стен с северной и южной сторон города и придают его окрестностям необычный вид. Мы пошли вдоль южной стены до цитадели, но войти нам не разрешили. Ее форма неправильная, и, как и городские стены, она дополнительно защищена угловыми башнями. Вдова, хозяйка дома, рассказывала нам, что в ней есть пещера, но я не смог узнать никаких дополнительных подробностей, так как наш проводник, у которого я арендовал лошадей, никогда ее не видел.

Крутой и глубокий овраг с западной и северной сторон цитадели значительно усиливает ее обороноспособность, и в древние времена эта часть укреплений, должно

быть, была почти неприступной. Сам я не смог увидеть никаких следов стены, идущей от какого-либо из углов цитадели вверх по склону горы, и проводник тоже о ней не знал. Однако она должна существовать, так как генерал фон Эркерт видел ее и отметил на своем плане. Местность неровная и сильно пересеченная, к тому же во многих местах покрыта густыми кустами, так что следы фундаментов могли легко ускользнуть от внимания того, кто точно не знал, куда смотреть.

Покинув цитадель, мы повернули лошадей на юго-запад и около трех верст ехали по тропе вверх по склону горы, иногда через участки ярко-желтой травы, выжженной солнцем, а иногда через густой подлесок из темных, вечнозеленых кустарников. Ближе к вершине они настолько плотные, что совершенно непроходимы, за исключением узких троп, прорубленных сквозь них. (с. 216) Гора Джалган имеет, грубо говоря, форму клина, лежащего на земле, с глубоко изрезанным очертанием там, где короткий, отвесный склон встречается с длинной, покатой, верхней поверхностью. В чашеобразном углублении в очертаниях гребня горы, почти на юго-запад от Дербента, лежит разрушенный форт, известный нашему проводнику как Бурдж, или «башня», но который, как я впоследствии установил, носит название Пирмешки-кала [*Premeshki Kala*]³. Его довольно трудно оценить из-за густоты окружающих зарослей. По плану он продолговатый, около тридцати восьми шагов на тридцать шагов, с дверью на восток и круглыми башнями по углам. Верхняя часть сооружения находится в руинах. Местность перед ним, то есть к западу, обрывается очень круто, и с вершины разрушенных стен, которые поднимаются на несколько футов над всеобъемлющими кустами, открывается хороший вид на окрестности. К западу я мог видеть несколько деревень, таких как Митаги и Кемах [*Metagi and Kemakh*], расположенных на линии стены или рядом с ней, которая следует по гребню холмистой гряды, имеющей значительно меньшую высоту, чем место, где мы сейчас находились. Наш проводник ничего не знал об этой стене, и поскольку она не нанесена на пятиверстную карту⁴, хотя кое-где и отмечена башня, я не смог проследить ее направление так, как мне бы хотелось.

На обратном пути в город проводник рассказал, что примерно в пяти верстах от Дербента есть святое место под названием Эмджэхлы-пир⁵ [*Ämjähkli Pir*], где находится камень, похожий на (с. 217) овцу, или камень, образовавшийся из окаменевшей овцы – я не совсем уловил, что он имел в виду, – и что из его сосков (*ämjähkh*) постоянно капает вода. Больные ходили туда испить воду из-за ее целебных свойств. Он там никогда не был, поэтому сейчас не мог отвезти нас туда, но позже я сам посетил это место. Мать нашей хозяйки знала все об этом месте и могла засвидетельствовать, исходя из личного опыта, благотворный эффект этой воды.

Вернувшись к западному концу цитадели, мы продолжили нашу поездку вокруг нее на северную сторону, спустившись в овраг и следуя по тропе по дну, так как непосредственно под стенами нет прохода. Выбравшись из оврага, мы направились на север, чтобы посетить то, что выглядело как старый форт, называемый Кяфер-кала [*Kiafer Kala*]. Он расположен на возвышенности над почтовой дорогой из Дербента в Петровск, но при ближайшем рассмотрении я увидел, что он сравнительно современный, и обнаружил, что его занимает пост аварских йоменов. Он не мог составлять часть древних укреплений города. Мы снова въехали в город через Джарчи-Капы, или «ворота публичных объявлений»⁶, на северной стороне, напротив Баят-Капи на южной стене. Ниже, напротив Енги-Капы, или «Новых ворот», расположены Кырхляр-Капы⁷, которые ведут к большому кладбищу Кырхляр.

Около одиннадцати часов я отправился с Меджидом выразить свое почтение князю Макаеву⁸, губернатору Дербентского округа, но не самого города. Он по про-

исхождению грузин и принял меня очень любезно (с. 218). После того, как я сказал ему, что хочу пройти по всей длине исторической Дербентской стены, он ответил, что только что встречался с одним татарским беком, чей отец жил в Гемейди⁹ [Gemeidi], куда тот сейчас и собирался отправиться. Бек родился там, прямо на линии стены, и знал о ней все. В конечном итоге я обнаружил, что его знания ограничивались очень небольшим ее участком.

Князь располагает небольшой коллекцией оружия и редкостей, которая занимает довольно много места, но, насколько я мог судить, не содержала ничего особо ценного. Я, однако, отметил два зеленых таза, подобных тем, что видел в Гунибе, но не смог узнать никаких подробностей об их происхождении, кроме того, что они были найдены в кургане. Было и металлическое блюдо, или тарелка, голландского производства, с двумя человеческими фигурами и сопутствующими орнаментами, выбитыми на нем, привезенное из Кубачи. Я также видел голову мужчины, работы поздних греков или римлян, найденную по соседству. Коллекцию пополняли многочисленные современные персидские кувшины и вазы, металлические и керамические чаши и миски, расставленные по комнате. Одним из выставленных трофеев было знамя Шамиля. Кажется, там также были какие-то части кольчуг, которые носили местные жители вплоть до прошлого века. Однако не припомню, чтобы видел какие-либо старинные бронзовые изделия с серебряной инкрустацией в сарацинском стиле тринадцатого века, хотя впоследствии я узнал, что он приобрел несколько образцов таких изделий.

Покинув князя, я отправился с Меджидом нанести визит татарскому беку. Он временно (с. 219) остановился в доме друга в татарском квартале. Вход пролегал через конюшню и коровник и был далек от чистого. Мы нашли бека в небольшой комнате, в компании друзей и слуг. Он был высоким, крепким, чернобородым мужчиной в расцвете лет и чрезвычайно любезным в манерах. Его одежда и убранство были самыми лучшими и красивыми. Звали его Мирза Али-Бек. В возрасте двадцати одного года его отправили в Санкт-Петербург обучиться русскому языку и познакомиться с жизнью в Императорской гвардии. По возвращении на родину он был назначен наибом в Кайтагском округе, должность, которую он занимал до сих пор. Но на следующий день он отправлялся в Гемейди повидаться с отцом и присутствовать на семейном сборе, обычном во время праздника жертвоприношения, Курбан-байрама, который должен был отмечаться через несколько дней.

Проходя по татарскому кварталу, мы заметили нескольких человек с соколами на руках, занятых их кормлением. Соколы были небольшими и используются для ловли перепелов. Меджид сказал мне, что охота с ловчими птицами все еще практикуется в Нухе и Закаталах, и что в последнем их отлавливают в значительном количестве для обучения и продажи.

Чайные заведения были непривлекательны, но было так жарко, что нам пришлось сесть снаружи одной и заказать пару стаканов чая. Когда стаканы поставили перед нами, поверхность чая немедленно покрылась частицами мякины. В это время года все улицы заполнены ее раздражающими частицами. Непосредственно за стенами города (с. 220) непрерывно идет обмолот и просеивание зерна. Обмолот производится путем гонения лошадей или быков по кругу по молотильному току. Просеивание осуществляется мужчинами и женщинами, подбрасывающими зерно в воздух большими деревянными лопатами, пока ветер не сдует всю мякину и прилипшую к нему измельченную солому.

Главная мечеть в городе известна как Джума-мечеть, или Пятничная мечеть. Она располагается в южной части прекрасного большого двора, вход в который находится

с востока. Параллельно мечети тянется ряд великолепных восточных платанов, самых прекрасных и огромных, какие я когда-либо видел. Рядом с центром линии стоит фонтан, позволяющий совершить необходимое омовение перед молитвой. Внешне мечеть, хоть и большая, далеко не внушительна и почти лишена архитектурных изысков. Стены выглядят так, будто в любой день могут рухнуть, и их пришлось подпереть контрфорсами, чтобы они не обвалились наружу. Привратник, стоявший у портика, где снимают обувь, сообщил мне, что мечети около 1300 лет, и что она была построена Абу Муслимом. В этом, однако, есть некое преувеличение. В «Дербент-наме» (с. 89, 90) рассказывается, что в 115 году Хиджры (733 году н.э.) Маслама, или Абу Муслим в другом тексте, сын Абдул-Малика, подошел к Дербенту с 20 000 человек; вновь укрепил цитадель и построил по мечети в каждой (с. 221) из семи частей города. Помимо них он построил *джами*, или большую соборную мечеть, для совершения пятничных молитв. Следовательно, возраст здания может составлять только 1155 лет, но оно, безусловно, было возведено по указанию Масламы, или Абу Муслима. Порттик расположен в центре северной стены, точно напротив михраба, или священной ниши, в южной стене. В плане здание имеет форму вытянутого параллелограмма. Оно разделено по ширине на три длинных нефа, идущих с востока на запад, с девятью проемами по обеим сторонам от центрального. Из этих нефов внутренний – самый высокий, но центральный – самый широкий, со сводом в форме полуциркульного свода, в то время как северный и южный нефы имеют простые цилиндрические своды. Все своды кирпичные и опираются на большие квадратные каменные столбы. Над большим пространством перед михрабом возвышается купол с четырьмя небольшими отверстиями для доступа света. Его внутренняя поверхность украшена диагональным узором из красного и черного кирпича, а под ним, там, где купол начинает изгибаться, проходит сотовый карниз. Ниже в боковых стенах расположены два ряда побеленных ниш, предназначение которых я не смог понять. В правом углу находится пир, или место паломничества, состоящее из святого колодца, воды которого, как предполагается, обладают целебным свойством, и поэтому к нему прибегают многие больные обоюбого пола. Ниша оформлена множеством ярких красок, а перед ней расстелены восточные ковры; в остальном же мечеть удивительно лишена цвета и (с. 222) показалась мне совершенно безликой. В одном углу стояла какая-то деревянная кафедра, которая, как сказал мне Меджид, используется через двадцать дней после празднования Курбан-байрам, при поминовении убийства Хусейна, сына Али, совершенного Язидом.

Кладбища за городом любопытны и стоят посещения. На некотором расстоянии виднеется лес из высоких, тонких, вертикально стоящих надгробий в неправильных скоплениях, каждый из которых отмечает место, где усопший обрел свое последнее пристанище. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что на украшение этих плит было затрачено немало усилий, словно умершие все еще дороги живым. Возле верхней части этих высоких надгробий почти всегда присутствует глубоко вырезанная надпись, состоящая из строк из Корана, за которым следуют имя покойного и дата его или ее смерти. Ниже, хотя иногда и на оборотной стороне камня, вырезано множество изображений различных предметов. Центральным обычно является изображение лошади, с длинными сапогами ее покойного хозяина между передними и задними ее конечностями. Выше вырезаны ружье, сабля, кинжал, патронташ, кремь и огниво, тапочки, а иногда и предмет, который ни я, ни Меджид не смогли распознать. Для женщины, разумеется, предметы иные. Они состоят из украшений для головы и шеи, кувшина и таза, цветов, пары тапочек и т.д. Иногда на оборотной стороне камня, в дополнение к вышеперечисленному, вырезаны сокол, куропатка,

павлин или ваза с цветами. Этим орнаментация не ограничивается. (с. 223) Арабесковый бордюр резной работы часто окружает надпись или делит камень на секции; а углы камня иногда скашиваются, и по новой поверхности пускается линия листового орнамента. Даже это не всегда считается достаточным, так как надписи и фигурные изображения часто выделяются с помощью киновари, зеленой и синей краски. Наличие ружья показывает, что ни один из этих камней не может считаться древним, и даты на всех них были современные, некоторые совсем недавние. Если я правильно помню, Меджид рассказывал мне, что надгробия в Нухе не имели никаких изображений, кроме простой надписи, и я нигде больше ничего подобного не видел, кроме как в этом уголке Дагестана. Здесь, вероятно, могло сказаться персидское влияние; или же эта практика могла возникнуть самопроизвольно из древнего обычая хоронить с покойным его коня и оружие. Ибо, когда это перестали делать, возможно, сочли достаточным вырезать их изображения на надгробии в качестве полноценной замены.

В центре одного из этих кладбищ расположено восьмиугольное здание с четырьмя длинными и четырьмя короткими сторонами, увенчанное куполом и известное как Кырхляр. В него ведут две двери. Внутри находятся четыре надгробия, более изысканно украшенных чем остальные. Меджид был не в силах расшифровать надписи, хотя на одной из них он смог прочесть дату 1029 год Хиджры. Само здание показалось мне сравнительно современным и неинтересным, хотя с этим местом и названием связана легенда. (с. 224) В «Дербент-наме» (с. 39-42) повествуется, что в 41 году Хиджры халиф отправил войско в 4000 воинов в Дербент, чтобы отвоевать его у хазар. При их приближении последние отступили, пока не получили подкрепление в 100 000 человек под командованием *хакана* Китая. После нескольких дней боев и стычек арабский военачальник с сорока отчаянными воинами возглавил финальную атаку. Они сражались так яростно, что 20 000 врагов были перебиты, а сами они стали мучениками. Могины этих сорока ныне покоятся в Дербенте и известны под названием Кырхляр, или Сорок <...>

(с. 225)

13-е августа. – По глупой ошибке Меджид забыл заказать с вечера лошадей для нашей экскурсии к стене в компании Мирзы Али Бега. Было 8 ч. утра, прежде чем мы подъехали к жилищу Бега, ожидая, что он давно уже будет готов. Это оказалось не так; но примерно через четверть часа Али Бег, великолепно одетый, блистающий серебряным оружием и даже в перчатках, сел на своего коня, и мы тронулись в путь, сопровождаемые тремя вооруженными слугами.

(с. 226) Вместо того, чтобы повернуть на юго-запад и направиться к Джалгану, чтобы следовать вдоль всей стены, мы выехали из города через одни из северных ворот и несколько миль следовали по почтовой дороге на Петровск. Бег сказал, что эта дорога гораздо лучше и менее холмистая. Так оно и было; но я пропустил значительную часть стены, которую мне пришлось осмотреть на обратном пути. Справа от нас было Каспийское море; слева – низкая гряда бесплодных холмов, впереди – плоская и пыльная равнина, а над головой – палящее солнце. Через час мы повернули налево и следовали по узкой тропе вокруг северного подножия горы Джалган, пока не увидели квадратные башни Кеджели-кала и Кемаха, расположенные на невысоком хребте, простирающемся на запад.

Через какое-то время мы снова свернули налево и направились к Метаги. Местность была холмистой и покрыта низкими кустарниками. Наконец, я заметил башню стены значительно левее, почти скрытую густым кустарником. Бег, который был очень любезным и, думаю, едва ли понимал мое желание увидеть каждый дюйм сте-

ны, немедленно повернул голову своего коня в том направлении, когда понял, что мне хотелось бы увидеть ее как можно ближе. Люди, сопровождавшие нас, называли ее Бари Мешаси [*Bari Meshasi*], или «стена леса». Доступ к ней был затруднен из-за плотности кустарника, и она была сильно разрушена, но казалась почти точной копией *бурджа* Пирмешки, который лежал на С 20 В, (с. 227) насколько я мог определить по своему маленькому карманному компасу¹⁰. Метаги находился на Ю 45 З. После этого мы снова оставили стену позади и продолжили наш путь под гору через густой подлесок на открытое место.

После еще одного подъема, через два часа с четвертью после выезда из Дербента, мы оказались в Метаги. Мы остановились на пару часов в доме другого Бега, друга Мирзы Али, чтобы позавтракать, так как был уже почти полдень. Поскольку его не оказалось дома, хозяйские почести оказала его жена. Жители деревни – все таты, но поскольку мы проезжали через это место довольно быстро, я почти совсем их не видел.

В 13:20 ч. мы выдвинулись снова и следовали по гребню холма в северо-западном направлении к Кемаху, куда прибыли в 14:10. Тропа проходила близко к стене, следы которой иногда были видны сквозь кустарник. Я был разочарован тем, что не смог увидеть больше, но для этого нужно было бы идти пешком, а в данных обстоятельствах это было невозможно. В Кемахе есть разрушенная продолговатая башня или форт с квадратными башнями по углам, хотя они выступают всего примерно на два фута. Я видел несколько меток, высеченных на одном из камней: полукруг с двумя расходящимися линиями и двумя крючкообразными насечками. Башня занимает очень выгодное положение и является заметным (с. 228) ориентиром на большом расстоянии. Жители деревни поведали, что между Метаги и Кемахом нет башен; что стена между этими пунктами почти разрушена и может быть прослежена через кусты до Задиана. Однако она не идет по прямой линии к последней упомянутой деревне, а, кажется, держится вдоль гребня холма, а затем изгибается в юго-западном направлении к Завар-кала [*Zavar Kala*] – возможно, Сувар, упомянутому выше – совсем недалеко к северо-востоку от деревни. Мы, к сожалению, не последовали ее маршруту, а держались тропы к Задиану, где у Мирзы Али был друг и где мы остановились на ночь в три часа пополудни. Я был сильно разочарован итогами этого дня и чувствовал, что присутствие добродушного, беспечного Бега было отнюдь не преимуществом до сих пор; а фактически, оказалось препятствием.

Кала Дузлан [*Kala Duzlan*] ранее располагалась на другой стороне Задиана, но сейчас сровнялась с землей. Казалось, она находилась внутри стены или, по крайней мере, выступала всего на несколько футов за ее линию. Завар-кала находится на Ю 40 В, а Кемах – на Ю 70 В, насколько я мог определить. Говорят, здесь раньше стояли ворота, и Бег упомянул Види-кала [*Vidi Kala*], ныне полностью разрушенную, которая стояла где-то недалеко от деревни. Фундамент стены можно проследить от западной стороны Кала Дузлан в направлении С 35 З, но примерно через сто ярдов она резко поворачивает налево, почти под прямым углом. Затем она изгибается влево, видимо, вдоль правой стороны узкого и скалистого оврага к Бильгади¹¹, (с. 229) ибо мы не следовали ей точно, и следы ее фундамента видны лишь здесь и там. В Бильгади, по воспоминаниям старых жителей, когда-то была железная дверь через тропу на левой стороне оврага. Мирза Али сказал мне, что Бильгади – это искажение Баб или Хадид, или «Железные ворота», и что раньше там находился город. Справа от дверного проема стоит отдельно стоящая скала, на которой когда-то стояли здания. Она известна как Сар-Кала, или «главная крепость», а Кемах лежит на Ю 72 В.

Затем мы поехали по пересеченной, лесистой местности к другому форту под названием Тель Хаммадан [*Tel Hammadan*], откуда в направлении Ю 12 З были видны стены Шалкене-кала [*Shalkene Kala*]. Окружающий лес мешал обзору в любом направлении, но короткая поездка привела нас к Мехмет Карим Кала, также известному как Шалкене-кала. Он довольно хорошо сохранился, имеет внутреннюю длину тридцать два шага и ширину двадцать два шага, с полукруглыми башнями по углам. Земля перед ним обрывается очень круто, а за ним снова поднимается, так как форт расположен не совсем на гребне холма. Я не обнаружил следов стены ни справа, ни слева, и если бы она существовала, кладка не могла бы быть связана со стенами форта, не оставив следа. Чуть дальше находится еще один Шалкене-Кала, с круглыми башнями, встроенными в четыре угла, имеющий длину тридцать пять шагов и ширину сорок один шаг. В направлении своей длины он тянется строго с севера на юг. Бег рассказал мне, что (с. 230) не так давно там были найдены какие-то серебряные предметы и кожаный башмак длиной в пол локтя.

Спускаясь по крутому густо поросшему склону холма, мы прошли кладбище под названием Пир Гянджа, о котором существует легенда. Когда-то давно сюда пришли двое мудрецов и святых мужей из Гянджи, татарского названия Елизаветполя на равнине Грузии. Жители того места, куда они пришли, были злым народом, который хотел причинить вред этим двум святым, заставив их испить вино. Они наотрез отказались нарушить предписание Пророка и за это были казнены. Но вследствие этого злодеяния на них обрушилось несчастье, и деревня полностью исчезла. Теперь здесь сохранилось лишь кладбище. Жители окрестностей считают могилу двух убитых святых местом поклонения и совершают к ней паломничества.

В Гемейди, где жил отец Мирзы Али, мы прибыли в полдень 14 августа, проделав путь из Задиана и посетив упомянутые форты за пару часов. Таким образом, за два дня я проехал всего около дюжины миль и рассмотрел стену самым неудовлетворительным образом. Я решил на следующий день любой ценой обойтись без компании Мирзы Али и проследовать оставшуюся часть стены с Меджидом и проводником. На обратном пути я надеялся проследовать вдоль стены, по крайней мере, от Метаги на восток по гребням холмов до Дербента.

Семейный дом Бега был скромным (с. 231) строением, стоявшим отдельно от деревни на гребне хребта, покрытого низким, но очень густым кустарником. Два форта ранее стояли к востоку от дома, по одному с каждой стороны расщелины в хребте, по которой поднимается тропа из Задиана. Но сейчас они сровнены с землей, а камни использованы для строительства. Спереди, глядя на север, лежала холмистая равнина Табасарана, называемая в старых писаниях Теберсеран, Табаристан и Тапарсеран. Форт Шилкене находится на С 20 В, а Кемах – на С 60 В. Два других форта можно разглядеть к западу, один на холме, находящемся на С 70 З. Их я не посетил до следующего дня. На дальней стороне расщелины находилось кладбище, некоторые надгробия которого были покрыты резными изображениями, напоминающими те, что мы видели в Кырхляре и окрестностях Дербента, хотя и не идентичными. На вершине камня часто была изображена розетка, ниже по обе стороны камня – лилия в горшке, затем кинжал и конь; под ними – ружье, сапоги и сабля; еще ниже – кувшин для воды и круглый таз; еще ниже – нечто похожее на металлическое блюдо или мешок, и пара туфель с очень высокими каблуками. На другом были две руки, таз, сапоги, туфли, украшения и цветок с длинным стеблем. Вместо рук иногда были два отпечатка стопы, кувшин для воды и круглый таз. Орнаментация некоторых камней была весьма художественной, состоящая из трех перекрещивающихся и переплетающихся трой-

ных кругов с парой тройных полукругов. Иногда тройные круги переплетались на двух вертикальных стержнях. По общему впечатлению они не были похожи на (с. 232) некоторые ранние ирландские переплетающиеся орнаменты. Один распространенный символ ни Меджид, ни я не могли понять, и никто из тех, кого мы спрашивали, не мог дать никакого объяснения. Это был длинный вертикальный параллелограмм с двумя короткими, узкими параллельными линиями, исходящими из центра верхней короткой стороны и заканчивающимися кругом или шишечкой. Некоторые могилы были отмечены короткими деревянными столбиками; над мужчинами они были круглые сверху, над женщинами – срезаны ровно, хотя посередине оставался небольшой выступ с плоской головкой.

Жители Гемейди, как и в Задиане, – таты, которые также встречаются на протяжении нескольких миль к западу, но в Татиле можно встретить и лезгин. Татары называют их *оздан халх* [*ozdan khalkh*], или «свободные люди», потому что они не подчиняются бегам, а назначают или избирают своего собственного вождя, которого именуют *кади*. Человек, избранный на эту должность, наделяется властью путем усаживания его на возвышенный камень и затем возложения папахи на его голову. Так, по крайней мере, заверил меня Мирза Али, но я не смог узнать больше об этой церемонии. Далее он упомянул, что таты в Табасаране называются *раят халх* [*raiyyat khalkh*], или «несвободные люди», потому что они находятся под властью наследственных бегов или князей. Район Кайтаг [*Kaitakh*] населен *оздан халх* и *таракама* [*Thäräkämä*], последние из которых говорят по-татарски и живут на равнине. Я не встречал слова *таракама*¹² нигде прежде и, возможно, записал его ошибочно. На *Дарго дили* [*Dargho dili*], или языке Дарго, говорят в Коше и в Даргинском районе. Тамошний народ татары (с. 233) считают лезгинами, и на этом языке говорят как они сами, так и кубачинцы.

В течение вечера мне без особого труда удалось убедить Мирзу Али не обременять себя личным сопровождением до конца стены; я дал понять, что буду крайне признателен, если он поручит эту задачу одному из своих слуг. Так мы и договорились: на следующее утро я отправлюсь с двумя его людьми, хорошо знавшими все форты на участке между Гемейди и Еди Гардаш [*Yedi Gardash*] – или крепость «семи братьев»¹³, который, по его словам, был последним. От отца Бега, который, хоть и был уже стариком, никогда не уезжал дальше Дербента в одном направлении и Кубы в другом, я узнал, что это место порой посещают немногие путешественники. Генерал Комаров несколько раз проезжал вдоль стены и составил ее тщательный план. Он также помнил визит генерала фон Эркерта, а два русских инженера приезжали в прошлом году. Но из-за сильной жары последние посетили лишь очень немногие форты. Он не помнил, чтобы когда-либо видел здесь англичанина, поэтому я надеялся, что стал первым, кто посетил и исследовал историческую стену.

15-е Августа. – Выступление с Меджидом и двумя проводниками произошло под сильным дождем, что, конечно, доставляло некоторые неудобства. Мы промокли насквозь, продираясь через мокрые кусты и высокую влажную траву, промокла даже моя записная книжка; тем не менее, дождь охладил воздух и сделал (с. 234) прогулку гораздо приятнее, как только стих. Примерно в паре верст к западу от Гемейди расположен форт Патайюнг-кала [*Pataiyung Kala*], с полукруглыми угловыми башнями, некоторые из которых выступают сильнее других. Этот форт, как и все остальные, более или менее разрушен и окружен деревьями и густыми зарослями кустарника. С его северной стороны виден след стены, идущий с востока на запад. Чуть дальше находится Новруз-Али-кала [*Noruz Ali Kala*], расположенная у дна оврага. Земля спереди обрывается очень круто, и направление передней стены – С 75 З. Восточная стена полностью разрушена.

Неподалеку, в другом овраге, находится Хасан-Бей-кала [*Hassan Bey Kala*]. Примерно в ста ярдах, на противоположной стороне оврага, расположен Бабану-кала [*Babani Kala*]. Вход в него пролегает через дверной проем между двумя выступающими контрфорсами кладки с юго-западной, или тыльной стороны форта. На некоторых приземных камнях видно множество надписей куфическим почерком. Надписи сильно выветрены и повреждены, и, кажется, были вырезаны до того, как камни пошли на строительство. Высоко на северной стене, в левом углу, есть глубоко вырезанное изображение дикого козла или какого-то подобного животного (Рис. 1). На внешней тыльной стене есть строка надписи почерком, который я не смог распознать; он имел некоторое сходство с уйгурским, хотя и был написан горизонтально, а не вертикально.

Fig. 1.

Следующий форт лежит в густом лесу, непроходимом верхом, на вершине холма примерно в (с. 235) двухстах пятидесяти ярдах к западу. Он носит название Паланги-кала [*Palangi Kala*] (Леопардовый замок) или Седжур-кала [*Sezhur Kala*]. Видимого доступа внутрь не было, кроме как через разрушенный северо-восточный угол здания.

Проводники указали, что следующее место нашего пути – Дерваг, или Дарваг, и соответственно повели нас по извилистой тропе через пересеченную, лесистую местность. Здесь я совершенно потерял представление о расположении стены и полностью сбился с курса, поскольку из-за густоты деревьев был совершенно не в состоянии оценить пройденное расстояние или определить относительные направления различных фортов. Пройденное расстояние оказалось значительным. Наконец мы вышли из лесов и оказались на вершине хребта, откуда открывался вид на равнину Табасарана. На небольшом расстоянии справа возвышался сильно разрушенный форт Мугара-кала [*Mugara Kala*]. Он расположен примерно в полуверсте от Дарвага (С 40 В), который лежит значительно ниже, на склоне хребта. В центре села находится еще один форт, известный как Бегляр-кала [*Berglar Kala*], или замок князей; но он сильно пострадал от рук местных жителей. Высокая круглая кирпичная башня привлекает внимание. Вероятно, это был минарет мечети, хотя с архитектурной точки зрения он не представлял ничего примечательного.

Здесь мы наняли человека, чтобы он показал нам три форта, расположенные между Дарвагом и Зилем. Юзбаши села, по-видимому, не знал о большем числе фортов, хотя впоследствии я обнаружил, что их оказалось по меньшей мере на пять больше. При исследовании стены приходится нанимать нового проводника в каждой деревне. Это связано с тем, что за пределами своего сельского округа местные жители (с. 236) либо ничего не знают, либо, если и знают, считают, что местный этикет предписывает притворяться невежественными перед туристами и иностранцами.

Первый форт, к которому мы подошли, был Дервиш-кала [*Dervish Kala*], примерно в паре верст к юго-западу от деревни. Приблизительно на полпути мы прошли мимо колодца, бьющего из-под большого бука, к которому было привязано множество тряпок. Это пир, или святой колодец. В плоской долине, по которой протекает река Дарваг, было много возделанной земли и изобиловали сады, засаженные фруктовыми деревьями. На изгородях и развешанные на фруктовых деревьях висели черепа коров и лошадей. Меджид сказал, что это делается для удачи и отвращения дурного глаза. Я видел подобное у татар в Крыму и во многих местах в Дагестане. Эта практика имеет многовековую историю, ибо черепа животных изображены привязанными к финиковым пальмам на древних вавилонских и ниневийских барельефах, очевидно, с той же целью, что и сегодня. Считалось, что череп животного служит мощным талисманом, отгоняющим злых духов.

Передняя стена Дервиш-кала [*Dervish Kala*] имеет направление С 60 В. Он окружен кустарником и деревьями, довольно хорошо сохранился и имеет обычные круглые башни по углам. Примерно в четверти мили к северо-западу находится Коби-кала [*Kobi Kala*], со всех сторон настолько плотно окруженный большими деревьями, что разглядеть что-либо вокруг не представлялось возможным. Дверной проем находится на южной стене; две бойницы расположены в восточной стене, и по меньшей мере еще две – в других стенах форта. Это были первые бойницы, которые мне довелось увидеть.

(с. 237)

Проезжая через густой лес, мы очень скоро достигли Ишекли-су-кала [*Ishekhli su Kala*]. Однако я не увидел рядом чистой воды, от которой форт мог бы получить свое название, как мне объяснили его значение. Передняя стена его направлена на С 30 З. Стены снабжены бойницами, а на земле снаружи лежал зубец, некогда венчавший их вершину. Это была одиночная плита с вырезанными в ней тремя ступенями с каждой стороны. Вершину ее венчало навершие в виде подковы с внешней стороны, куда был вписан орнамент-розетка. От юго-западного угла виден небольшой участок стены, имеющий направление Ю 40 З. Его кладка не связана с кладкой форта, и он выглядит как более позднее добавление.

Человек, которого мы привели из Дарвага, не смог показать нам ничего дальше, поэтому мы направились прямо в деревню Зиль. Она расположена на вершине невысокого хребта, окруженная деревьями и кустарником, у начала открытой долины реки Дарваг, которая в прежние времена служила ареной отчаянных и кровавых стычек между арабами и хазарами. Здесь мы остановились на пару часов в доме юзбаши, чтобы дать отдохнуть лошадям и пообедать.

Наш дальнейший путь лежал на запад по гребню хребта, довольно высокого и крутого, повсюду покрытого лесом и густым подлеском. Поэтому место, выбранное для стены, отличалось природной прочностью, и густые заросли сами по себе серьезно препятствовали бы передвижению даже нерегулярных орд всадников, таких как хазары. Первый форт, которого мы достигли, находится примерно в версте к западу от Зили и (с. 238) носит название Урнург или Орнург-кала [*Ürnürgh, Ornurg Kala*]. Он сильно поврежден и не представляет собой ничего примечательного. Неподалеку от него, на более возвышенной местности, видны руины Абдулла-бег-калы [*Abdullah Beg Kala*]. Он почти разрушен и получил свое название от известного местного разбойника, некогда жившего в нем и выдержавшего там осаду, что и объясняет его полуразрушенное состояние. Его передняя часть направлена на Ю 30 В. Проехав немного, мы прибыли в Рамазан-кала [*Ramazan Kala*], название которой, как мне сказали, про-

исходит от имени человека, а не от месяца Рамадан, как можно было бы ожидать. От него осталась лишь одна стена. Кемах лежит на С 70 В.

Наши сопровождающие не знали дальше никаких фортов в том направлении, и потому мы направились в Татиль – деревню близ Йеди Гардаш, который, как мне дали понять, был последним фортом на западном конце стены. Тропа вела через густой лесной участок около двух миль, а затем спускалась в долину реки Рубас. На северном склоне расположена лезгинская деревня Татиль, где мы на некоторое время остановились в доме юзбаши. Деревянная дверь его дома была искусно украшена резьбой – узором из концентрических кругов, переплетающихся с диагональными линиями. Эффект был превосходным. На нижних панелях были изображены различные предметы: сапоги, таз, кувшин для воды и т. д. Почти все дома в деревне украшали арабские надписи, буквы которых становились выразительнее, если их обвести красной и синей краской. Юзбаши сообщил, что здешние лезгины не имеют особого названия, кроме как народ Табрасана (Табасарана), (с. 239) и что их язык отличается от кюринского, на котором говорят в Кубе, – городе, который он сам посетил. Он также упомянул, что дальше на запад от Йеди Гардаш существует форт – Чухна-кала [*Chukhna Kala*], расположенный в направлении Ю 72 З.

Вид на юг открывался весьма живописный. Прямо перед нами река Рубас пробивается в северном направлении через скалистое ущелье, пересекающее крутой лесистый хребет, называемый Кара-Сырт, или «Черная вершина». Затем она выходит в более широкую долину и, около мили, не доходя до Татилия, поворачивает на юго-восток, впадая в Каспийское море приблизительно в десяти милях к югу от Дербента. Горный хребет, очевидно, получил свое название от высокой вершины на восточной стороне ущелья, которая выглядит почти черной, будучи покрыта лесом до самой вершины. Эта восточная часть хребта, по словам моих информаторов, единственная носит название Кара-Сырт, хотя на пятиверстной карте это имя нанесено над западной частью. Согласно той же карте, линия холмов, на которых стоят Зиль и Татиль, лежит на одном уровне с западным продолжением Кара-Сырты и сливается с ним. Но это не соответствует действительности: последний возвышается на целую тысячу футов над первым, и между ними простирается впадина. На вершине восточной, или точнее юго-восточной, оконечности протяженного хребта расположен Чухна-кала. Я не смог выяснить значение этого названия, кроме того, что оно было присвоено форту по названию горы, на которой он расположен. (с. 240) Генерал фон Эркерт называет форт Чухун-Кале [*Chukhun Kaleh*], а гору Чухун-Даг [*Chkhun Dagh*], которую он переводит как «еврейская гора»¹⁴.

Получив человека из деревни, ехавшего верхом без седла, чтобы показать нам дорогу, мы спустились около мили к берегу реки. Здесь пейзаж был диким и живописным, предвеляя вход в ущелье. Проехав около двух миль, мы достигли подножия изолированного конического холма, на котором возвышается Йеди Гардаш Кала, или замок Семи Братьев. Холм расположен в углу, образованном небольшой речкой Фундуклух, или «ореховой», и Рубас Чай. Его форма и кладка совершенно отличаются от формы и кладки фортов на линии Дербентской стены. Внутри северная и южная стороны простираются примерно на тридцать ярдов, западная сторона достигает пятнадцати ярдов, а восточная сторона, обращенная к реке, – всего семь ярдов. В центре восточной стороны на несколько футов выступает прочный прямоугольный контрфорс, а к югу от него находится дверной проем, ведущий внутрь замка. На западном конце северной и южной стен стоит по квадратной башне, а два внешних контрфорса расположены в нескольких футах от западного конца северной стены на расстоянии

пяти или шести футов друг от друга. Длинные стороны прорезаны бойницами, расположенными через нерегулярные интервалы и на разных уровнях. Кладка выполнена из небольших круглых камней и потому сильно отличается от кладки других фортов. Впоследствии турецкий бег из Метаги рассказал мне, что эту крепость построил Муслим, возведший большую мечеть (с. 241) в Дербенте. Если это так, то постройка эта арабская, а не персидская. С крепостью связана легенда, которую нам поведал наш гид-лезгин.

Давным-давно в крепости жили семь братьев и их сестра. Братья были отъявленными разбойниками и грабили всех подряд, наводя великий ужас на соседей. Наконец терпение у тех, кто пострадал от их бесчинств, лопнуло, и они обратились с предложением к сестре. Подарками и обещаниями выдать замуж они убедили ее предать братьев. Она поддалась искушению и выдала их, что позволило пострадавшим захватить братьев врасплох. Мечь свершилась, и их быстро казнили. Когда же пришло время выполнять обещание, данное неверной сестре, никто из них не пожелал взять в жены женщину, способную на такое предательство по отношению к собственным братьям. Поэтому они забили ее камнями до смерти, а ее могила – груда камней – была показана нам около мили от разрушенного замка Семи Братьев.

Следующим этапом стало восхождение на гору к Чухна-кале. Мы вернулись по нашим следам на некоторое расстояние, а затем, свернув налево, начали подниматься по крутому склону холма к деревне Яхдих...

(с. 242)

Крепость на вершине оказалась сильно разрушена и окружена кустарником. Из-за темноты и проливного дождя мне удалось лишь поверхностно осмотреть место. Направление фасада – Ю 40 В, и С 40 З. Вход в форт вел через подковообразную арку, обращенную к С 60 В, которая указывает направление на Кемах. Стены снабжены фланговыми башнями и бойницами. Земля, казалось, круто обрывалась к юго-западу. При полном дневном свете отсюда должен был открываться обширный вид на север, охватывающий всю линию стены от горы Джалган справа до такого же расстояния влево. Насколько я мог судить, нет особой причины, по которой стена должна была внезапно прерваться в этой точке. Однако из-за сильного дождя и позднего времени суток я не осмотрел местность к западу и югу от форта, поэтому не могу говорить об этом с уверенностью.

Мы еще не дошли до Татиля, а уже стемнело, и возвращаться в Гемейди было уже слишком поздно. По заверению проводника, между Татилем и Зилем находилось еще шесть или семь фортов, которые мы не видели и которые необходимо посетить. Юз-баши пригласил Меджида и меня переночевать в его доме, в то время как наши двое проводников из Гемейди нашли себе жилье в другом месте.

16 августа. – В сопровождении нашего вчерашнего проводника, который, должно быть, ночью где-то раздобыл седло, мы ранним утром отправились осматривать (с. 243) обещанные им разрушенные форты. Сначала мы поднялись на небольшое расстояние по склону холма, где стоит деревня, а затем свернули налево, пока не достигли Зейдах-Тулар-кала [*Zeidakh Tular Kala*]. Он расположен на краю высокого выступающего участка земли, поросшего деревьями, где склон резко обрывается в трех направлениях. Стены его сильно повреждены. Чухна-кала находится Ю 53 З от нее и отделена широкой открытой впадиной. Эта впадина расположена справа и очень круто обрывается слева, образуя западный фланг части долины реки Рубас. Деревня Дюбек расположена на С 14 З. Тремя или четырьмя сотнями ярдов ниже по холму находится Химларик-кала [*Himlarik Kala*], окруженный деревьями и кустарником. Он

настолько разрушен, что от него почти ничего не осталось. Зейдах Тулар расположен на С 60 В.

Наш проводник никогда не слышал о какой-либо стене, соединяющей форты, и мне не удалось обнаружить никаких ее следов. В направлении Чухна-кала он сообщил, что фортов больше нет. Я вскоре понял, что из-за неровностей земли и постоянных изменений направления нашего пути, а также густых лесов и зарослей, через которые мы с трудом пробирались, определить точное направление от форта к форту или хотя бы приблизительно оценить расстояние между ними не представляется возможным. Иногда мне приходилось спрашивать проводника о направлении последнего виденного форта и определять его по линии его вытянутой руки.

От Харарил-кала, или Хара-ил-кала [*Kharar'il Kala, Kharar 'Il Kala*] не осталось почти ничего. Он полностью окружен большими деревьями, что затрудняет обзор во всех направлениях. Однако (с. 244) земля здесь очень круто обрывается на северо-восток, а Зейдах-Тулар находится примерно на Ю 60 З.

Между этим фортом и следующим, в лесу, находится заброшенное кладбище, называемое Эмизгя Пир. Ночью здесь горит естественный фосфоресцирующий свет, что придает месту особую святость в глазах местных жителей.

Короткий переход привел нас к Эмизгя-кала [*Emizgia Kala*]. От его стен мало что уцелело, и, подобно предыдущему, он так утопает в листве, что точно определить его местоположение невозможно, хотя он находится где-то к северо-востоку от последнего виденного форта. В нескольких ярдах к югу мне удалось разглядеть часть реки Рубас; очевидно, форт расположен на узком хребте.

Новруз-кала [*Nevrüz Kala*] также представляет собой довольно сильные развалины и полностью окружен лесами, наглухо закрывающими обзор во всех направлениях. Гид указал на юг, когда я спросил о Татиле, и на запад – когда я спросил о местоположении последнего форта. Возможно, название Новруз-кала означает «форт нового дня» или «форт весеннего равноденствия», и в этом случае оно персидское.

Ахме-кала [*Akhme Kala*] находится около трех фарлонгов к северо-востоку от Новруз-калы и также очень сильно разрушена. Определить направление здесь было невозможно.

Мирза-кала [*Mirza Kala*] расположен около двух фарлонгов к северо-востоку от последнего форта и также пребывает в очень разрушенном состоянии. Земля здесь круто спускается на северо-восток, север и северо-запад, и, кажется, форт находится на выступе хребта, где расположено село Зиль.

Моти-кала [*Mothi Kala*] расположен примерно в трех фарлонгах дальше по гребню хребта, в северо-восточном направлении. Он очень сильно разрушен и от него почти ничего не осталось.

(с. 245)

Кадах-кала [*Kadach Kala*] лежит на очень возвышенной, командной позиции, почти прямо к востоку от Моти Кала. Чухна-кала лежит на Ю 55 З, а Кемах – на С 70 В.

Полчаса извилистой езды по пересеченной лесистой местности вновь привели нас к Орнург-Кала [*Ürnürg Kala*]. Около десяти минут спустя мы во второй раз вошли в деревню Зиль.

Чипсухан-кала [*Chipsokhön Kala*] находится около полумили к юго-востоку от Зилия, значительно ниже гребня хребта. Он также пребывает в очень разрушенном состоянии. Примерно в ста ярдах к востоку расположен хорошо сохранившийся форт, носящий уникальное имя Башим-Дишим-кала, или «замок моей головы и моего зуба». Как он получил такое название, мне выяснить не удалось, но несомненно, с

этим связана какая-то легенда. Четыре его стены все еще стоят, с обычными полукруглыми башнями по углам и несколькими бойницами через нерегулярные интервалы. Северная и южная стены длиннее двух других. Из-за густоты окружающих деревьев и кустарников определить ориентиры было невозможно.

Огри-Кала [*Oghri Kala*], или «Замок воров», расположен выше, но недалеко, в густом лесу, и пребывает в довольно хорошей сохранности. Зиль находится на С 70 З, Дерваг – на С 40 В. Башим-Дишим-кала лежит в направлении Зиля, а Чухна-кала – на Ю 76 З. Продвигаясь через лес к следующему форту, мы пересекли узкий участок стены, тянущийся на Ю 60 З и С 60 В. Гид сообщил, что раньше он соединял Ахай-Калу с Башим-Дишим-калой и простирался до Орнурга.

(с. 246)

Ахай-Кала [*Akhai Kala*] сильно разрушен и расположен в таком густом лесу, что определить направление невозможно. Однако указательный палец гида указал на Зиль, находившийся, по его словам, на юго-западе. Он сообщил, что стена шла от конца фасада Ахай-калы, обращенного к Зилю, соединяя этот форт с теми, что мы только что видели.

Махрагах-кала [*Makhragakh Kala*] находится около двухсот пятидесяти ярдов к С 60 В от Ахай-Кала и также сильно разрушена. Между ними пролегает овраг, вытянутый с северо-востока на юго-запад.

Поскольку следующим фортом являлся Ишехли-су-кала, который я уже осмотрел, мы направились прямо в Дарваг, а затем, не останавливаясь, в Гемейди. Маршрут, однако, отличался от вчерашнего. На этот раз мы оставили разрушенный форт Мугара справа и, повернув направо, проехали через лес в северо-восточном направлении, достигнув Гемейди около 13:00.

После обеда я вновь отправился с Меджидом в Метаги, где собирался провести ночь в доме бека, у которого мы обедали два дня (с. 247) назад. На этот раз нам дали лишь пешего проводника, который повел нас в Метаги иной дорогой. Выехав из Гемейди, мы двинулись на восток и несколько миль преодолевали живописную лесистую местность. Затем спустились в открытую, возделанную долину, совершенно безлесную, почти до самой деревни Мугатир, которую мы обошли стороной. Вскоре тропа пошла в гору – сначала постепенно, затем все круче, пока мы наконец не добрались до деревни Метаги на вершине хребта. Солнце уже почти село, когда мы остановились у скромного жилища бека. Это был высокий, худой, седой мужчина, который долгие годы служил в русской армии и там пристрастился к крепким напиткам. Он принял нас радушно и пригласил присесть на подушки, разложенные в его крошечной комнатке. (с. 248) Заговорив о стене и виденных нами фортах, он рассказал, что Йеди Гардаш был построен Абу Муслимом. Тот же Абу Муслим возвел мечеть Джума в Дербенте и сыграл важную роль в обращении татар и лезгин в мусульманство. Он жил во времена багдадских халифов. По словам бека, Дербентской стене не менее трех тысяч лет, и она была построена, чтобы сдерживать хазар от набегов на южные провинции. Он также знал историю сорока арабов, убитых и похороненных на кладбище Кырхляр, хотя в некоторых деталях она отличалась от версии, приведенной в уже цитировавшемся «Дербент-наме». Перед сном он обещал дать мне проводника, знавшего все форты между Метаги и Дербентом.

17 августа. – Четверть часа езды привели нас в Кеджели-кала [*Kejeli Kala*], расположенный почти к востоку от Метаги. Между этими двумя точками видны следы стены. Сам форт сильно поврежден, хотя часть всех четырех стен уцелела. Две его длинные стороны ориентированы на С 30 З и Ю 30 В. Метаги находится на С 78 З, а Пирмешки –

на С 50 В. Затем мы немного спустились и вскоре оказались у части стены высотой около двадцати футов, тянувшейся почти с севера на юг. На протяжении примерно трехсот ярдов она шла прямо, а затем под прямым углом сворачивала на восток. В центре этого длинного участка стены находилась небольшая круглая башня с комнатой под ней. В конце короткого участка стены располагалась передовая часть форта, которую гид знал лишь как *бурдж* или замок. Стена (с. 249) продолжается в более северо-восточном направлении примерно на сто пятьдесят ярдов, где также находится круглая башня. В нескольких сотнях ярдов дальше, где стена делала изгиб – сначала немного южнее востока, а затем поворачивала на северо-восток – расположен хорошо сохранившийся продолговатый форт. По-видимому, он безымянный; у него полукруглые угловые башни и контрфорс, выступающий с задней стороны. Линия стены начинается от центра двух его коротких сторон, так что половина форта находится снаружи линии обороны, а половина – внутри. Кеджели лежит на Ю 45 З, а Пирмешки – на С 50 В. Примерно в трехстах ярдах дальше в том же направлении видна передняя стена и башни еще одного форта. Здесь линия стены начинается от внутренних плеч полукруглых башен, а не от центра коротких сторон. Однако ее кладка не связана с кладкой самого форта, который, следовательно, должен был быть построен независимо.

Место здесь именуется Шур Су [*Shur Su*] (солончатая вода), однако гид не был уверен, относится ли это название к форту. Далее расположен похожий форт, в то время как окружающая местность носит имя Исти Сулар [*Isti Sular*]. Примерно в ста пятидесяти ярдах от него находится форт, который я посетил в первый день с Мирзой Али Бегом. Он носит двойное название – Исти Сулар и Бари Мешаси. Здесь линейная стена примыкает к задней стороне фланговой крепости. Примерно в ста пятидесяти ярдах дальше расположен еще один разрушенный форт. Гид назвал его Сулар, по имени района. Без крупномасштабного плана, на составление которого у меня не было ни средств, ни времени, (с. 250) невозможно получить верное представление о линии стены. Она следует контурам хребта, вдоль которого тянется, и никогда не идет прямо на значительном протяжении, постоянно меняя направление под разными углами. Сама стена и квадратные башни труднодоступны из-за исключительной густоты кустарников.

Вскоре после того, как мы покинули последний форт, мы выбрались из кустарника на узкий перешеек. Он соединяет крутой, гораздо более высокий западный склон горы Джалган с хребтом, на котором расположена линия фортов и соединительная стена, составляющая Дербентскую стену. Здесь стена сильно разрушена, но ее можно проследить до самого подножия обрывистого склона горы. Сразу над этим местом построена Короглы-кала [*Choroghli Kala*]. Нам пришлось сделать значительный крюк вправо и подняться по очень крутому склону, прежде чем добраться до деревни Джалган на восточном склоне горы. В деревне мы взяли юношу, (с. 251) чтобы он показал дорогу к Короглы-кала («крепость сына слепого»), расположенной на самой вершине горы, но скрытой от глаз густыми, почти непроходимыми зарослями кустарника. Форт сильно пострадал и находится в очень обветшалом состоянии, несмотря на свое труднодоступное положение. Однако сохранившегося достаточно, чтобы увидеть, что по плану он не отличается от Пирмешки Кала и других упомянутых фортов. Кеджели находится на Ю 64 З, Метаги – на Ю 76 З, а Кемах – на С 80 З.

Теперь мне удалось, хоть и фрагментарно, увидеть знаменитую Дербентскую стену и проследить ее с перерывами от Каспия до Чухна-Кала, на протяжении около двадцати пяти миль. При этом фон Эркерт оценивает ее общую длину в шестьдесят или семьдесят километров.

Поскольку Эмджэхлы-пир находится между деревней Джалган и Дербентом, я воспользовался случаем посетить это место. Это совсем небольшая сталактитовая пещера в форме (с. 252) печи, отверстие которой расположено на высоте четырех или пяти футов от земли. Крыша ее усеяна сосцевидными наростами, образующимися от капающей сверху известковой воды и давшими, по-видимому, название месту. Вход в пещеру примерно полукруглый, диаметром, возможно, фута два. Хотя вода здесь, по слухам, всегда холодная, в данном случае она действительно ощущалась удивительно холодной. Очарование этого места кроется скорее в его расположении и окружении. Эта крошечная пещера расположена в глубоком овраге на склоне довольно голой, каменной горы, по которому с громким журчанием бежит небольшой ручей. Большие и маленькие деревья заполняют ложину, бросая восхитительную тень на траву внизу. Тут и там сквозь листву проглядывают тополя, выстроившиеся вдоль берега у подножия горы, и тихое, бледно-бирюзовое море за ними. Измятая трава, следы старых костров и другие признаки человеческого присутствия указывают на то, что это излюбленное место отдыха жителей Дербента. Легко представить, как в былые времена, когда багдадский халиф Харун аль-Рашид жил в Баб-эль-Абвабе, часто посещал столь прелестное место и слушал рассказчиков и лютнистов – или, быть может, пение птиц в тени предков этих самых деревьев.

Примечания:

1. Нуха – старое, до 1963 г., название города Шеки.
2. Здесь, скорее всего, имеется в виду город Хива в Узбекистане.
3. *Авт. сноска:* Примешки – вероятно искаженное Пир Димишки или Димишек, Преподобный Иоанн Дамаскин. Султан Пир Али Дамасский упомянут в источнике «Дербент Наме» (на стр. 152) как один из пятидесяти мучеников.
4. Топографическая карта масштабом один дюйм к пяти верстам, или 1:210000, то есть около 2.1 км на сантиметр.
5. Эмджэк-пир – природный грот, почитаемое культовое место в четырех километрах от Дербента. Сталактиты грота, с которых капает вода, напоминают груди, от чего и название – пир сосцов/грудей.
6. «Ворота вестника» (перс.).
7. «Ворота сорока» (перс.).
8. Вероятно, Владимир Афанасьевич Макаев (Макашвили) – князь, начальник Кайтаго-Табасаранского района [12, 117].
9. Село в Дербентском районе Республики Дагестан. С 1813 г. в составе Российской империи, а с 1860 г. село Кайтаго-Табасаранского округа Дагестанской области.
10. *Авт. сноска:* когда мне удавалось сравнить приблизительные ориентиры с истинными, указанными на пятиверстной карте, я обнаруживал значительные расхождения; поэтому ни один из них нельзя считать предельно точными.
11. Бильгади – село в Дербентском районе Республики Дагестан. Входит в состав сельского поселения «Чинарский сельсовет».
12. *Авт. комм.:* вероятно, он имел в виду туркоманов.
13. Крепость «Семи братьев и одной сестры», или «Хучнинская крепость» – средневековая крепость в 1–2 км к северу от Хучни, административного центра Табасаранского района РД.
14. *Авт. сноска:* я, однако, сомневаюсь в таком толковании этого слова.

Пер. с англ. М.Р. Сефербекова

1. Мусаев М.А., Абакаров И.М. Джонас Хенвей и Луи Базен о Дагестанском походе Надиршаха 1741–1743 гг. // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 4. С. 556–572.
2. Осмаев А.Д., Сефербеков М.Р. История Северо-Восточного Кавказа первой половины XVIII в. в трудах исторических школ: историографический обзор // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 2 (49). С. 43–49.
3. Каченко Д.С. Путевые заметки Роберта Портера как источник изучения формирования образа Кавказа у европейской общественности первых десятилетий XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». 2022. № 2. С. 22–36.
4. Johnson John. A Journey from India to England through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817. London: Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1818. 376 p.
5. Layell Robert. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia by Robert Lyall, M. D. F. L. S., member of the Royal Asiatic Society of London, of the Wernerian Natural History Society of Edinburgh, &c.: [in 2 vol.]. London: Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh, 1825. Vol. 1. 528 p.
6. Morgan Edward Delmar, Coote Charles Henry. Early Voyages and Travels to Russia and Persia, by Anthony Jenkinson and Other Englishmen. London: Hakluyt Society, 1886. 496 p.
7. Abercromby John. A trip through the Eastern Caucasus, with a chapter on the languages of the country. London: Edward Stanford, 1889. 376 p.
8. Сефербеков М.Р. Джон Аберкромби «Путешествие через Восточный Кавказ, с главой о языках страны»: путевые заметки барона, шотландского солдата и археолога // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2024. Т. 39. Вып. 4. С. 29–38.
9. Гаджиев М.С. О функционировании оборонительной системы «Даг-бары» в арабский период // Исламоведение. 2012. № 3. С. 93–107.
10. Гаджиев М.С. Форт 4 Горной стены «Даг-бары» // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 2. С. 205–223.
11. Гаджиев М.С. Р. Эркерт и Дж. Эберкромби – исследователи «Даг-бары» // Вестник Института ИАЭ. 2005. № 3. С. 51–58.
12. Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1887.

Seferbekov, Magomedkhabib R. – Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of RAS (Makhachkala, Russia); mhabib-seferbekov@mail.ru

INFORMATION ABOUT DERBENT AND ITS ENVIRONS IN THE BOOK BY JOHN ABERCROMBY “A TRIP THROUGH THE EASTERN CAUCASUS, WITH A CHAPTER ON THE LANGUAGES OF THE COUNTRY”.

Keywords: J. Abercromby, works of English-language authors about the Caucasus, historiography and source studies, Derbent complex of monuments.

The publication is a translation from English into Russian of the eighth chapter “From Baku to Derbent” of Scottish baron John Abercrombie’s book “Journey through the Eastern Caucasus, with a chapter on the languages of the country”, written by him in 1888. This chapter is dedicated to Derbent, its environs and more distant areas (historical Tabasaran), through which the medieval defensive wall “Dag-bars” passed. The book, written in the genre of travel notes, contains a variety of information about onomastics, architectural and epigraphic monuments of the region, economic activities, social structure and everyday life, religious beliefs and languages of the peoples of the region, which allows it to be considered as a valuable source on the history and culture of the Eastern Caucasus.

For citation: Seferbekov, M.R. Information about Derbent and its environs in the book by John Abercromby "A trip through the Eastern Caucasus, with a chapter on the languages of the country" // *Izvestiya SOIGSI*. 2026. Iss. 59 (98). Pp. 168-190. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.98.59.010

References

1. Musaev, M.A., Abakarov, I.M. *Dzhonas Khenvei i Lui Bazen o Dagestanskom pokhode Nadirshakha 1741–1743 gg.* [Jonas Hanway and Louis Bazin on Nadir Shah's Dagestan campaign of 1741–1743]. *Istoriya, arheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, archaeology, and ethnography of the Caucasus]. 2019, vol. 15, no. 4, pp. 556–572.
2. Osmaev, A.D., Seferbekov, M.R. *Istoriya Severo-Vostochnogo Kavkaza pervoi poloviny XVIII v. v trudakh istoricheskikh shkol: istoriograficheskii obzor* [History of the North-Eastern Caucasus in the first half of the 18th century in the works of historical schools: a historiographic review]. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. 2020, no. 2 (49), pp. 43–49.
3. Tkachenko, D.S. *Putevye zametki Roberta Portera kak istochnik izucheniya formirovaniya obraza Kavkaza u evropeiskoi obshchestvennosti pervykh desyatiletii XIX v.* [Robert Porter's travel notes as a source for studying the formation of the image of the Caucasus among the European public in the first decades of the 19th century]. *Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya"* [Electronic journal "Caucasology"]. 2022, no. 2, pp. 22–36.
4. Johnson John. *A Journey from India to England through Persia, Georgia, Russia, Poland, and Prussia, in the year 1817.* London, Longman, Hurst, Rees, Orme and Brown, 1818. 376 p.
5. Layell Robert. *Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia by Robert Lyall, M. D. F. L. S., member of the Royal Asiatic Society of London, of the Wernerian Natural History Society of Edinburgh, &c.: [in 2 vol.].* London, Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh, 1825, vol. 1. 528 p.
6. Morgan Edward Delmar, Coote Charles Henry. *Early Voyages and Travels to Russia and Persia, by Anthony Jenkinson and Other Englishmen.* London, Hakluyt Society, 1886. 496 p.
7. Abercromby, John. *A trip through the Eastern Caucasus, with a chapter on the languages of the country.* London, Edward Stanford, 1889. 376 p.
8. Seferbekov, M.R. *Dzhon Aberkrombi "Puteshestvie cherez Vostochnyi Kavkaz, s glavoi o yazykakh strany": putevye zametki barona, shotlandskogo soldata i arkheologa* [John Abercrombie's "Travels through the Eastern Caucasus, with a Chapter on the Languages of the Country": the travel notes of a baron, Scottish soldier, and archaeologist]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Dagestan State University. Series 2. Humanities]. 2024, vol. 39, iss. 4, pp. 29–38.
9. Gadzhiev, M.S. *O funktsionirovanii oboronitel'noi sistemy "Dag-bary" v arabskii period* [On the functioning of the Dag-Bary defensive system in the Arab period]. *Islamovedenie* [Islamic studies]. 2012, no. 3, pp. 93–107.
10. Gadzhiev, M.S. *Fort 4 Gornoi steny "Dag-bary"* [Fort 4 of the Mountain Wall "Dag-Bary"]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza* [History, archaeology, and ethnography of the Caucasus]. 2019, vol. 15, no. 2, pp. 205–223.
11. Gadzhiev, M.S. *R. Erkert i Dzh. Eberkrombi – issledovateli "Dag-bary"* [Erkert and J. Abercromby – explorers of the Dag-bara]. *Vestnik Instituta IAE* [Bulletin of the Institute of HAE]. 2005, no. 3, pp. 51–58.
12. *Kavkazskii kalendar' na 1888 g.* [Caucasian Calendar for 1888]. Tiflis, 1887.